

ших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего ее к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: “Война до победного конца”. Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ. Великое слово “свобода” этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство».

После большевистского переворота, 10 ноября, Врангель от службы отказался. Но характерно, что он не принял участия в движении на Петроград 3-го конного корпуса, с помощью которого Керенский хотел подавить большевистское восстание. Барон явно не собирался восстанавливать «главноговаривающего» у власти. Не пытался он и убедить Духонина организовать сопротивление приближавшимся к Могилеву отрядам большевиков. Не советовал Врангель и освобождать Корнилова и других арестованных, содержавшихся в тюрьме Быхова, недалеко от Ставки. Корнилов, Деникин и другие участники контрреволюционного выступления во многом были для Петра Николаевича чужими людьми, ведь они являлись «февралистами» и республиканцами, а тот же Корнилов в начале революции арестовывал царскую семью. Врангель еще не был готов вместе с ними вступить в борьбу с большевиками — он предпочел уехать в Крым, чтобы отсидеться и подождать прояснения политической обстановки.

С ДОБРОВОЛЬЦАМИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

В Крыму у семьи Врангеля была дача в Ялте, на Нижне-Массандровской улице.

Большевистская революция пришла в Ялту не сразу. Она уже победила в Севастополе, но на южном берегу местное татарское население было враждебно к большевикам. Порядок в городе поддерживался состоявшим из татар эскадроном Крымского конного полка.

Морской офицер С. А. Мацылев вспоминал, как встретился с Врангелем 26 ноября 1917 года:

«...Георгиевский праздник... отмечался торжественным молебном в соборе и вечером благотворительным концертом в гостинице “Россия”.

После молебна в ограде собора в отдельных группах живо обсуждалось происшествие последней ночи (пьяный комен-

дор со вспомогательного крейсера «Король Карл Румынский» пальнул по городу из орудия, а матросы разграбили несколько лавок. — Б. С.). В одной из них, состоящей по преимуществу из офицеров, выделялась высокая, стройная фигура молодого генерала с энергичным, худым, резко очерченным лицом. Одет он был в офицерское пальто мирного времени, в петлице которого виднелась Георгиевская ленточка. Он громким голосом говорил, что всем офицерам необходимо теперь же сорганизоваться, чтобы в случае нужды дать соответствующий отпор всякой попытке произвести беспорядок. Его внимательно слушали...

— Кто это такой? — спросил в другой группе стяжка генерал Прибыльский, постоянный житель Ялты, георгиевский кавалер и ветеран Русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Молодой генерал посмотрел в его сторону, потом решительными шагами подошел к нему, отдал честь и громким, несколько резко звучащим голосом сказал: “Ваше Превосходительство, вы спрашиваете, кто я такой, — позвольте представиться: командующий сводным кавалерийским корпусом генерал-майор барон Врангель...”

Вечером в гостинице “Россия” состоялся назначенный концерт. Ему предшествовали переговоры устроителей с судовым комитетом крейсера, который дал заверение, что порядок нарушен не будет и для его поддержания пришлют наряд матросов...

В первом ряду кресел выделялась высокая фигура Врангеля, он скрестил на груди руки, и в его взгляде можно было прочесть и боль за Россию, и презрение к происходящему...»

Пьяные матросы для барона были «взбунтовавшимися хамами», но пока что в противодействии им он не шел дальше разговоров.

Татарское правительство Крыма предложило Врангелю должность командующего, пытаясь противостоять большевикам. Петр Николаевич вспоминал: «По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся красной волны решили сорганизоваться в лице “Курултая” и крымские татары. Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала “демократическая политика”, ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов... В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарай и Ялты Крымский драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот, кажется, две полевые батареи. Гарнизон

Севастополя и севастопольская артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе, местопребывании Курултая, был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял Генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщающего мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, действующая, по расчетам штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил приехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение. В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, беспрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дальновидного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенциной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать и лишь просил до отъезда не отказывать присутствовать на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен был быть рассматриваемым предложенный Генерального штаба полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после этого совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною, и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее “военный министр”, выслушав присутствовавших, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для приведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. Наутро я выехал в Ялту».

Врангелю, монархисту и приверженцу «единой и неделимой России», совсем не улыбалось стать командующим татарскими национальными формированиями. К тому же в их способности противостоять Красной гвардии он сильно сомневался. В тот момент барон еще не исповедовал принципа, провозглашенного им в том же Крыму три года спустя: «Хоть с чертом, но против большевиков». Он еще не решил, как будет жить дальше. Не исключено, что он не отвергал для себя и какого-то, хотя бы временного, консенсуса с большевиками, о которых еще очень мало знал.

В первые месяцы после Октябрьской революции особенно ярко проявилась слабость всех антибольшевистских движений. У них не было ни общепризнанного вождя, ни привлекательных для народа лозунгов, ни сколько-нибудь разработанной и реалистичной программы, ни поддержки из-за рубежа, ни легитимной преемственности с какой-либо из добольшевистских властей. Последний глава Временного правительства А. Ф. Керенский дискредитировал себя полной неспособностью справиться с всё углублявшимся кризисом. Поэтому никакого широкого движения за возвращение его к власти не могло возникнуть. И даже эсеры, к чьей партии формально принадлежал Александр Федорович, не рискнули сделать его своим лидером. Однако и монархисты не пытались выдвинуть лозунг возвращения к власти Николая II, его брата Михаила или какого-либо другого претендента на престол. Идея монархии была основательно опорочена в России в царствование Николая II и Кровавым воскресеньем, и неспособностью решить насущные проблемы страны, прежде всего аграрную, и неэффективным ведением войны. А мощная антимонархическая пропаганда после Февральской революции еще больше подорвала уважение и доверие к монархии. Да и сам факт отречения понижал акции последнего императора в глазах искренних монархистов. Кроме того, царь и большинство его ближайших родственников находились под контролем Совнаркома и в любой момент могли быть уничтожены, что и произошло в июле 1918 года с царской семьей, великим князем Михаилом Александровичем, а чуть позднее и со многими другими представителями династии. Однако пока император был жив, выдвижение другого претендента на престол не имело смысла, а после гибели Николая II и большинства его ближайших родственников у монархистов просто не осталось ни одной бесспорной кандидатуры. Самый авторитетный из Романовых, царский дядя Николай Николаевич, бывший Верховный главнокомандующий, по совету генерала Деникина уехал из страны, поскольку тот не без оснований опасался,

что выдвижение монархистских лозунгов еще больше расколет Белое движение.

Большинство народа если и не поддержало большевиков, то восприняло их приход к власти спокойно. Крестьяне думали, что все вопросы, в том числе и главный для них земельный, решит Учредительное собрание, выборы в которое произошли вскоре после Октябрьского переворота. Когда же большевики легко разогнали Учредительное собрание после первого же заседания, у народа не осталось сколько-нибудь отчетливого и позитивного образа данного института. Поэтому никакого массового движения в его защиту не возникло, а созданный в Самаре под охраной чехословацких штыков Коммич (Комитет членов Учредительного собрания) так и не приобрел авторитета в народе.

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов, безусловно, был популярен среди части офицеров. Но созданная им и Алексеевым Добровольческая армия ничего не могла предложить народу, кроме обещания после победы над большевиками созвать новое Учредительное собрание, которое должно решить все насущные вопросы, в том числе о форме государственного устройства России. Кроме того, добровольцы выступали за возобновление войны с немцами, что уж вовсе не могло привлечь в их ряды только что вернувшихся из опостылевших окопов солдат.

Врангель пока не видел сколько-нибудь боеспособных антибольшевистских сил и не имел представления о том, как их можно создать. Поэтому он выжидал — и из-за своего выживания чуть не погиб.

Разрозненные силы Курултая были легко разбиты подошедшими из Севастополя революционными матросами и солдатами. 8 января 1918 года Красная гвардия взяла Ялту, и войска Курултая отступили в горы.

На дачу к Врангелям ближе к ночи явились шестеро матросов, обвешанных пулеметными лентами и гранатами, с мандатом на обыск. Петр Николаевич успел надежно спрятать всё имевшееся в доме оружие в подвале и на чердаке. Его только волновало, чтобы матросы чего-нибудь не украли во время обыска. Как вспоминал Врангель, «сам я во время обыска, дабы избегнуть необходимости разговаривать с проходимцами, сел за карточный стол и начал играть в пикет со своим сынишкой, совершенно не обращая внимания на шаривших по столам и комодам матросов. Последние всячески, видимо, старались вывести меня из себя, делая вслух дерзкие замечания, намеренно производя шум и передвигая мебель. Но, убедившись, что ничто не действует, оставили нас в покое».

Покой, однако, длился недолго. Следующим утром пришли другие матросы, и их было человек пятнадцать. Врангель вспоминал:

«Кто здесь старший? — спросил я.

Вышел какой-то матрос.

— Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, — указал я на моего шурина, — тоже офицер — ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

— Это хорошо, — сказал назвавший себя старшим, — мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами.

— Мы только с татарами воюем, — сказал другой. — Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...

Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя “сознательного” сторонника красного интернационала».

Но неприятности семейства Врангелей на этом не закончились.

Утром 11 января в спальню Врангеля ворвались шесть матросов с винтовками. Петр Николаевич описал визит незваных гостей:

«Двое из них, подбежав к кровати, направили на меня винтовки, крича: “Ни с места, вы арестованы”. Маленький прыщавый матрос с револьвером в руке, очевидно, старший в команде, отдал приказание двум товарищам встать у дверей, никого в комнату не пропуская.

— Одевайтесь, — сказал он мне.

— Уберите ваших людей, — ответил я, — вы видите, что я безоружен и бежать не собираюсь. Сейчас я оденусь и готов идти с вами.

— Хорошо, — сказал матрос, — только торопитесь, нам некогда ждать.

Матросы вышли, и я, быстро одевшись, прошел в коридор и, окруженный матросами, пошел к выходу. В дверях я увидел жавшихся в кучу, плачущих наших служащих. В саду, у подъезда, нас ждали еще человек десять матросов и с ними недавно выгнанный мною помощник садовника; пьяница и грубиян, он незадолго перед этим на какое-то замечание жены моей ответил грубостью. Я как раз в это время выходил в сад и, услышав, как грубиян дерзил жене, вытянул его тростью. На следующий день он был уволен и теперь привел матросов.

— Вот, товарищи, этот самый генерал возился с татарами, я свидетельствую, что он контрреволюционер, враг народа, — увидев меня, закричал негодяй.

С балкона, в сопровождении двух матросов, спускался брат моей жены, также задержанный. Пройдя садом, мы вышли на улицу, где ждали присланные за нами два автомобиля; кругом стояла толпа народа. Слышались ругань и свист, некоторые соболезновали. Какой-то грек, подойдя к матросам, пытался за нас заступиться:

— Товарищи, я их знаю, — показывая на нас, сказал он, — они ни в чем не виноваты, и в бою не участвовали.

— Ладно, там разберутся, — отстранил его один из матросов.

Мы стали садиться в автомобиль, когда, расталкивая толпу, появилась моя жена. Подбежав к автомобилю, она ухватилась за дверцу и пыталась сесть, матросы ее не пускали. Я также пробовал уговаривать ее оставаться, но она ничего слушать не хотела, плакала и требовала, чтобы ее пустили ехать со мной. “Ну ладно, товарищи, пусть едет”, — сказал наконец один из матросов. Автомобили помчались по улице по направлению к молу. Там виднелась большая толпа, оттуда слышались крики. Два миноносца, стоя у мола, изредка обстреливали город. Автомобили остановились у пришвартованного миноносца. “Вот они, кровопийцы. Что там разговаривать, в воду их”, — послышались крики из толпы. Мне бросились в глаза лежавшие на молу два трупа, кругом стояла лужа крови... Стараясь не смотреть на окружавшие нас зверские лица, я быстро прошел по сходням на миноносце, вместе с женой и шурином. Нас провели в какую-то каюту. Почти тотчас же в каюту вошел какой-то человек в морской офицерской форме, но без погон. Он поразил меня своим убитым и растерянным видом. Жена бросилась к нему и стала спрашивать, что с нами будет; он пытался ее успокоить, отрекомендовался капитаном миноносца и обещал сделать все, чтобы скорее разобрать наше дело:

— Вам нечего бояться, если вы невиновны. Сейчас ваше дело разберут и, вероятно, отпустят, — говорил он, но ясно было, что сам не верит в свои слова...

Шум и топот раздались близ каюты, и толпа матросов появилась в дверях. Они требовали выдачи нас и немедленной расправы. С большим трудом капитану и пришедшем к нему на помощь двум-трем матросам удалось уговорить их уйти и предоставить нашу участь суду».

Больше всего Врангеля угнетала мысль, что его могут растерзать свои же, русские солдаты и матросы. Петр Николаевич стал убеждать Ольгу Михайловну вернуться в Ялту: «Здесь ты помочь мне не можешь, а там ты можешь найти свидетелей и привести их, чтобы удостоверили мое неучастие в борьбе».

В конце концов она поддалась на уговоры. При расставании Врангель отдал жене часы-браслет, которые она подарила

ему еще в бытность невестой. Барон сказал супруге: «Возьми это с собой, спрячь. Ты знаешь, как я ими дорожу, а здесь их могут отобрать».

Петр Николаевич не надеялся больше встретиться с любимой и хотел только, чтобы она не видела, как его будут убивать.

Дальше, по его словам, события развивались следующим образом:

«Она взяла часы и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минут, как она вернулась. На ней не было лица:

— Я поняла, всё кончено, — сказала она, — я остаюсь с тобой. На ее глазах только что толпа растерзала офицера».

Врангели стали ждать скорой смерти. Барон впоследствии записал:

«Около пяти часов в каюту вошли несколько матросов и с ними молодой человек в кепке и френче, с бритым лицом, державшийся с большимaplombом. Обратившись к сидевшему с нами полковнику, он объявил ему, что он свободен. “Вы же, — сказал он, обращаясь ко мне и к моему шурину, — по решению судового комитета предаетесь суду революционного трибунала. Вечером вас переведут в помещение арестованных”. Полковник вышел, но минут через десять мы увидели его вновь. Он горячо спорил с сопровождавшим его матросом: “Я требую, чтобы мне вернули мои часы и мой бумажник, в нем важные для меня документы”, — горячился он. Матрос казался смущенным. “Я ничего не знаю”, — говорил он, — обождите здесь, сейчас приглашу комиссара”. Он вышел.

— Моего освобождения потребовали мои служащие — портовые рабочие. За вас также пришла просить толпа народа, — быстро проговорил полковник, — не беспокойтесь, Бог даст, и вам удастся отсюда выбраться...

Пришел комиссар, и полковник вышел с ним.

Вскоре за нами пришли. Под конвоем красногвардейцев нас повели в здание таможни, где содержались многочисленные арестованные. Было темно, дул холодный ветер и шел дождь. Толпа разошлась, и мы беспрепятственно прошли в нашу новую тюрьму. В огромном зале с выбитыми стеклами и грязным заплеванным полом, совершенно почти без мебели, помещалось человек пятьдесят арестованных. Тут были и генералы, и молодые офицеры, и студенты, и гимназисты, и несколько татар, и какие-то оборванцы. Несмотря на холод и грязь, здесь на людях всё же было легче. Хотя все лежали, но никто, видимо, не спал, слышался тихий разговор, тяжелые вздохи. На лестнице стояла толпа матросов и красногвардейцев, и оттуда доносилась площадная ругань. Вскоре стали вызывать к допросу. Допрос длился всю ночь, хотя допрашивали

далеко не всех. Вскоре вызвали меня. Допрашивал какой-то студент в пенсне, маленький и лохматый. Сперва задавались обычные вопросы об имени, годах, семейном положении. Затем он предложил вопрос, признаю ли я себя виновным.

— В чем? — вопросом ответил я.

Он замялся.

— За что же вы арестованы?

— Это я должен был бы спросить вас, но думаю, что и вы этого не знаете. О настоящей причине я могу только догадываться, — и я рассказал ему о том, как побил нагрубившего жене помощника садовника, из мести должно донесшего на меня. — Я не знаю, есть ли у вас жена, — добавил, — думаю, что если есть, то вы ее также в обиду бы не дали».

Комиссар не нашел что ответить и отправил Врангеля в камеру к другим арестованным. Около восьми вечера туда явился высокий красивый блондин с интеллигентным лицом, одетый в матросскую форму. Это оказался председатель Ревтрибунала «товарищ Вакула». Он опять задал Врангелю сакраментальный вопрос: «За что арестованы?»

Петр Николаевич в который уже раз ответил: «Вероятно за то, что я русский генерал, другой вины за собой не знаю».

Дальше последовало настоящее театральное представление, описанное Врангелем в мемуарах:

«— Отчего же вы не в форме, небось раньше гордились погонами. А вы за что арестованы? — обратился он к моей жене.

— Я не арестована, я добровольно пришла сюда с мужем.

— Вот как. Зачем же вы пришли сюда?

— Я счастливо прожила с ним всю жизнь и хочу разделить его участь до конца.

Вакула, видимо предвкушая театральный эффект, обвел глазами обступивших нас арестованных.

— Не у всех такие жены — вы вашей жене обязаны жизнью, ступайте, — он театральным жестом показал на выход».

Думается, что это был заранее задуманный Вакулой театральный спектакль. Он уже понял, что Врангель никак не участвовал в борьбе на стороне татар, а стал жертвой доноса обиженного помощника садовника. Он также знал, что вместе с Врангелем «самоарестовалась» его жена, и решил продемонстрировать гуманность новой власти, помнящей о подвиге жен декабристов. Однако освобождение Врангеля совершиенно не означало, что его товарищам по камере больше не грозила бессудная смерть. Тем более что и чету Врангелей освободили не сразу. Им еще пришлось провести в камере ночь. За окнами слышались залпы — это расстреливали. Впоследствии Врангелю говорили, что в ту ночь и следующие два дня рас-

стреляли более ста человек. Трупы, в том числе и соседа Врангелей по камере, молодого князя Мещерского, топили в море. Всего, по оценке Петра Николаевича, красные тогда расстреляли в городах Крыма более тысячи человек, главным образом офицеров. Среди них был и храбрый полковник А. Г. Макухин (Макуха). Погибли почти все офицеры, составлявшие штаб крымских войск. Если бы Врангель согласился возглавить его, он вряд ли уцелел бы.

Живший неподалеку от Ялты, в Биюк-Ламбате, председатель Таврического губернского земства князь В. А. Оболенский вспоминал:

«В Севастополе шли массовые расстрелы, в Ялте офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а других — живыми. Когда после прихода немцев водолазы принялись вытаскивать трупы из воды, они оказались на дне моря среди стоявших во весь рост, уже разлагавшихся мертвецов. В Евпатории подвергали убиваемых страшным пыткам, которыми распоряжались две женщины-садистки. В Симферополе тюрьма была переполнена, и ежедневно заключенных расстреливали “пачками”. И вокруг нас по дачам рыскали севастопольские матросы, грабили, а кое-кого и убивали».

Возможно, жуткая картина стоящих под водой рядов мертвецов — это преувеличение ради усиления трагического эффекта. Ведь сам Владимир Андреевич не видел извлеченные тела, опирался на слухи. Потом он, кстати сказать, перешел на описание жертв красного террора в Крыму в 1920—1921 годах, когда никакие водолазы уже не работали. И упомянутые женщины-садистки — это, скорее всего, легенда. Аналогичный вымысел попал даже в труды деникинской Особой комиссии по расследованию красного террора. Эта комиссия, оценив число жертв большевиков в 1918—1919 годах в 1 миллион 700 тысяч человек, писала о чекистке Доре, будто бы с особым садизмом казнившей всех приговоренных к смерти в Одесской чрезвычайной комиссии. На самом деле в кровавую чекистку превратилась героиня художественного фильма, снятого об Одесской чрезвычайке по заказу деникинского Освага*.

* Осваг — Осведомительное агентство (Осведомительно-агитационное отделение, Осведомительное бюро). Было учреждено в сентябре 1918 года для информирования командования о политическом положении и ознакомления населения с действиями Добровольческой армии. В январе 1919 года преобразовано в Отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, ставший политико-идеологическим центром Белого движения. В марте 1920 года эти функции стал выполнять Отдел печати правительства Юга России. (Прим. ред.)

В действительности в Одесской ЧК, как и в аналогичных ведомствах других городов и губерний, недостатка в палачах никогда не было. Так в свидетельствах как о красном, так и о белом терроре причудливо переплетались реальные задокументированные факты, вплоть до эксгумации трупов жертв, и слухи, достоверность которых трудно проверить, а также очевидные легенды (именно последние, кстати сказать, обычно являются наиболее эффектными и живучими).

С раннего утра Петр Николаевич с женой ничего не ели. К счастью, мать Ольги Михайловны прислала им через тюремщика холодную вареную курицу, а также плед и две подушки, иначе пришлось бы хлебать малоаппетитную тюремную баланду и спать на голом полу.

Здоровье Врангеля пошатнулось. «Пережитые сильные волнения, — вспоминал он, — отразились на моей старой контузии. Своевременно я пренебрег ею и, не докончив курса лечения, вернулся, несмотря на предупреждения врачей, в строй. С тех пор всякое сильное волнение вызывало у меня сердечные спазмы, чрезвычайно мучительные. Последние полгода это явление почти прекратилось, однако теперь под влиянием пережитого болезненного явления повторилось вновь. Всю ночь я не мог заснуть и к утру чувствовал себя столь слабым, что с трудом держался на ногах. Наконец, в одиннадцать часов нас освободили и мы пешком, в сопровождении одного красногвардейца, вернулись домой. Я слег немедленно в постель и пролежал целую неделю». Эти сердечные спазмы, появившиеся после контузии, полученной во время боя то ли под Каушеном в 1914 году, то ли в Лесистых Карпатах в 1916-м, еще сыграют свою роль во время последней болезни Петра Николаевича.

Вполне возможно, что освобождению Врангеля способствовало то обстоятельство, что кампания репрессий в Ялте пошла на убыль из-за протестов татар, составлявших большинство населения города. По утверждению С. А. Мацылева, «татарское население начало глухо волноваться, большевики были вынуждены прекратить бессудные казни и освободить часть арестованных, в том числе и Врангеля, который у татар пользовался большой популярностью...».

Налеты приплывавших из Севастополя на миноносцах матросов продолжались, и никто не мог гарантировать, что в следующий раз комиссары окажутся столь же милосердными. Описывая жизнь в Ялте, Петр Николаевич признавался: «Мы почти не выходили из дома. Вид улицы с толкающимся “революционным пролетариатом” был настолько противен, что без особой нужды не хотелось выходить». Чувствуется, что барон

очень не любил пролетариат. Он вообще воспринимал народ только в двух категориях: в качестве своих слуг и в качестве подчиненных на военной службе — солдат и казаков. Врангель привык господствовать, хотя та же военная служба заставляла его смирять амбиции и подчиняться своим начальникам.

Генерал вспоминал:

«Мы решили переехать куда-либо в окрестности Ялты, дабы быть дальше от города, где особенно остро чувствовалась пятая хама. Жене удалось устроить мне гражданский паспорт, где я значился горным инженером, и мы в конце февраля перебрались в Мисхор. Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореиз был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним. Единственной разницей была введенная для покупки продуктов карточная система, весьма стеснительная. Продуктов вообще, с прекращением подвоза из Северной Таврии, в Крыму стало очень мало. Мы отпустили большую часть своей прислуги, оставив лишь совершенно верных нам людей, и поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых...

В Мисхоре, Алупке и Симеизе большевистская пятая ощущалась несравненно менее, нежели в Ялте. За два месяца, которые мы прожили в Мисхоре, было всего два-три обыска у некоторых лиц, и то произведенные приехавшими из Ялты красногвардейцами. Мы совершенно избегли обысков...

Кажется, в среду или в четверг, выходя из церкви, я встретил только что прибывшего из Ялты графа Ферзена. Он сообщил мне, что в Ялте в прошлую ночь был произведен вновь ряд обысков; между прочим, искали и меня, пришли на нашу дачу и едва не растерзали жившего там князя Гагарина, допытываясь, где нахожусь я».

С. А. Мацылев оставил портрет Врангеля в те месяцы, когда он переехал из Ялты, спасаясь от повторного ареста: «Изредка можно было встретить на набережной характерную фигуру Врангеля. Он был одет в статское платье, явно с чужого плеча и так к нему не шедшее, и быстрыми шагами проходил по улице, стараясь не останавливаться и не разговаривать со знакомыми. Жил он за городом на Симферопольском шоссе и редко спускался в город».

Об аресте и других злоключениях Врангеля в «красном» Крыму сохранилась еще пара свидетельств. Николай Егорович Врангель отметил в мемуарах:

«Благополучно бежавший из Крыма граф Муравьев-Амурский рассказал мне, что и он был арестован и вместе с сыном

и братом жены сына содержался в Ялте в каком-то пакгаузе, где был заключен всякий сброд. Офицеров было приказано кормить только остатками, собранными из мисок прочих арестантов. Большинство из офицеров были приговорены к смерти, расстреляны или брошены в море. К расстрелу был приговорен и сын. Когда его увозили к месту казни, его жена, которая в течение всей войны на фронте была сестрой милосердия, встала перед автомобилем, требя, чтобы они сперва ее убили, со слезами умоляла пощадить ее мужа и брата — и опять, как при атаке у Каушена, случилось невозможное. Публика вмешалась, и сын был спасен.

Слушая этот рассказ Муравьева, я невольно припомнил наивное изречение солдата эскадрона сына. В самом начале войны этот солдат привез нам письмо и очень картинно и живо рассказал об одном кровопролитном деле.

— Как его (т. е. сына) не убили? — сказала моя жена.

— Это никак невозможно, Ваше превосходительство! — с убеждением сказал солдат.

— Как невозможно?

— Немцу их не убить.

Приходится предположить, что это действительно “невозможно” не только для немца, но и для большевиков, поскольку после этого случая ему удавалось избежать смерти не раз.

После этого случая вооруженные проверки в Ялте стали обычным делом, и мой сын со своей семьей прятался в горах. Об этих проверках нам из Ялты написали, но писали так, будто это было самым обыденным происшествием в жизни. Наша семилетняя внучка во время одного из ночных обысков, пытаясь продемонстрировать свое гостеприимство, протягивала матросам сладости и просила родителей разбудить младшего брата, чтобы он увидел, как они мастерски собирают все вещи. “Дорогая бабушка, — написала она моей жене. — Как ты? Нас покорил большевик. Он приходил к нам и забрал у мамы все туфли. Бог его, наверно, накажет. А что ты думаешь об этом?”».

Приводимый Николаем Егоровичем рассказ Муравьева-Амурского довольно сильно отличается от воспоминаний самого Петра Николаевича. Граф не упоминал, что вместе с Врангелем в пакгаузе (таможенном складе) находилась его жена, и утверждал, будто Петра Николаевича уже приговорили к расстрелу и в последний момент только заступничество жены спасло его. Возможно, Муравьев-Амурский сидел в камере не в одно время с Врангелем (барон не упоминает его среди сокамерников) и передал рассказ об обстоятельствах его освобождения с чужих слов. Не исключено также, что слова председателя Ревтрибунала Вакулы о том, что Врангель только своей

жене обязан жизнью, граф истолковал в том смысле, что трибунал его уже приговорил к расстрелу. Надо учитывать и вероятность того, что Николай Егорович не совсем точно передал в мемуарах рассказ графа Муравьева-Амурского и представил ту сцену, когда Ольга Михайловна присоединилась к арестованному и увозимому на автомобиле мужу, как более эффектную: жена вымаливает прощение для мужа, увозимого на расстрел.

Дочь Врангеля Наталья Петровна Базилевская (та самая девочка, писавшая бабушке, как их «покорил матрос») вспоминала: «Как-то вечером в наш ялтинский дом, где находились мы с родителями (к тому времени... отец вышел в отставку), вломилась толпа матросов. Парня, который арестовал отца, я смогла бы узнать и сегодня. Такой бледный, весь в веснушках. Мама сказала, что пойдет с отцом. Ночь родители вместе с другими офицерами провели в каком-то помещении, а наутро было назначено судебное разбирательство. Если, конечно, так можно назвать то, что происходило тогда. Заседавшие «просеивали» людей на две группы: одних — налево, других — направо. Когда подошла очередь отца отвечать на вопросы, он сказал, что не имеет никакого отношения к военным (что на тот момент было сущей правдой), а является инженером. «А вы за что арестованы?» — спросили мою мать. «Я не арестована. Я просто хочу быть с моим мужем», — ответила она. И это так поразило большевиков, что они приказали отпустить родителей. «Видите, какие они — русские женщины!» — сказали большевики».

Свидетельство Натальи Петровны в основном совпадает с историей отца. Она, несомненно, основывалась не только на собственных детских воспоминаниях (что она могла запомнить в неполных семь лет?), сколько на рассказах родителей. Но она явно заблуждается насчет того, что при аресте Петр Николаевич назывался только горным инженером, утаив, что является генералом русской армии. В Ялте, где Врангель хорошо знали, скрыть его воинское звание не было никакой возможности, тем более что арестован он был по доносу собственного садовника. Вот в Мисхоре, куда семья переехала из Ялты, Врангель действительно представлялся горным инженером, а о своем генеральстве не упоминал. Вероятно, у Натальи Петровны произошла аберрация памяти и она перенесла на более ранний период жизни в Ялте то, что происходило позднее в Мисхоре, где отец действительно скрывал, что являлся царским генералом.

В целом не приходится сомневаться, что заступничество Ольги Михайловны за мужа действительно имело место, как и факт ее пребывания вместе с ним в тюремной камере. Можно

также быть уверенным в том, что именно поведение жены повлияло на судьбу Врангеля. Хотя одно только благородство супруги, последовавшей за арестованным бароном в узилище, вряд ли разжалобило бы комиссаров. Тут действовал комплекс объективных и субъективных обстоятельств. Большевики, несомненно, выяснили, что к вооруженным формированиям Курултая Врангель действительно не имел никакого отношения. Но ведь далеко не все из более чем тысячи жертв красного террора в те дни действительно воевали на стороне татар. Само по себе неучастие в боях отнюдь не гарантировало жизни. Для расстрела хватало доноса, а иногда достаточно было просто не понравиться кому-то из творивших расправы матросов. Не исключено, что поведение Ольги Михайловны, пошедшей в тюрьму за мужем не раздумывая, убедило председателя Ревтрибунала в его невиновности. Матрос Вакула мог решить, что она рискнула самоарестоваться, поскольку была уверена, что муж ничем не проштрафился перед новой властью. А может быть, большевики к тому же имели свои виды на Врангеля как крупного военного специалиста. Ведь в тот момент большевикам главными противниками в Крыму оказались татары. А с ними, как они могли думать, русский генерал будет сражаться. Вспомним, начальнику Врангеля, генералу Ренненкампу, предлагали вступить в Красную армию, и только отказ привел Павла Карловича к гибели. Но арестовали его в Таганроге, куда вот-вот могли подойти немцы или казаки-повстанцы, а расстреляли в апреле 1918 года, когда немцы заняли Украину и уже активно действовала Добровольческая армия. Врангеля же арестовали в Крыму, когда красные праздновали победу над татарами, а на германском фронте соблюдалось перемирие. В таких условиях советские власти могли позволить себе подождать, пока генерал Врангель решит, служить большевикам или нет, и не расстреливать его сразу. Ведь вполне возможно, что отвергнуть подобное предложение с ходу Петр Николаевич не рискнул.

Так или иначе, Врангель и на этот раз избежал смерти. Наверняка потом его противники очень жалели, что тогда, в январе 1918-го, не прикончили в Крыму будущего «черного барона». Ведь впоследствии Врангель доставил красным массу хлопот и, быть может, на целых полгода затянул Гражданскую войну в Европейской России. Впрочем, если бы судьба распорядилась иначе и Петр Николаевич погиб в Крыму еще в 1918 году, в 1920-м во главе остатков белой армии на полуострове вместо Деникина, скорее всего, встал бы соперник Врангеля Я. А. Слащев. В мемуарах Яков Александрович утверждал, что он вообще на год отсрочил падение белого Крыма. Наверное,

об «острове Крыме» во главе со Слащевым можно было бы написать роман в жанре «альтернативной истории», не менее увлекательный, чем тот, что принадлежит перу Василия Аксенова.

Пребывание в красном Крыму должно было навести барона на мысль, что в начинавшейся Гражданской войне для него, генерала и представителя древнего аристократического рода, одинаково опасно как оставаться вне борьбы, так и служить в рядах слабых антибольшевистских армий. В первом случае красные могли репрессировать его за одно только баронство и офицерство, во втором — он имел все шансы попасть в руки большевиков после разгрома подобной армии и погибнуть как человек, открыто боровшийся против новой власти, как и произошло с подавляющим большинством офицеров, перешедших на сторону татарского Курултая.

В долгосрочной перспективе относительную безопасность могло обеспечить вступление в ряды какой-либо сильной антибольшевистской армии, которая даже в случае поражения не утратила бы полностью свою организацию и боеспособность.

В апреле 1918 года такой силой были немцы, только что занявшие Крым. Но в германскую армию барон вступать не собирался. Несмотря на остзейское происхождение, российские Врангели давно уже обрусили. Петр Николаевич был патриотом и православным человеком. И к немецким военным в Крыму у него было двойственное отношение. В мемуарах Врангель писал: «Я испытывал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унизительной власти хама и больное чувство обиды национальной гордости».

С одной стороны, барон вынужден был признать:

«Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателей наименее ощутимым. С их приходом были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками, — карточная система, закрытие текущих счетов и проч., но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имуществ или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевшие эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами дали возможность беспрепятственно убраться вовсю.

На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили Великого Князя Николая

Николаевича в имении “Дюльбер”, где находились все Члены Императорской Семьи. Великий Князь Николай Николаевич через состоящего при Нем генерала барона Стала передал прибывшим, что, если они желают видеть Его как военно-пленного, то Он, конечно, готов этому подчиниться; если же их приезд есть простой визит, то Он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит Великим Князем, и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что Великий Князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной Его охране. Барон Сталь, по поручению Великого Князя, передал, что Великий Князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать».

Несомненно, для русских аристократов, собравшихся в Крыму, немцы были освободителями от большевистского гнета.

Но, с другой стороны, приход на русские земли вчерашних врагов угнетал русских офицеров и генералов, которые чувствовали себя едва ли не военнопленными.

Как раз в апреле 1918 года немцы произвели переворот на Украине, сместив правительство Центральной рады и поставив у руля власти гетмана Павла Петровича Скоропадского, генерал-лейтенанта царской свиты и бывшего командира лейб-гвардии Конного полка. Он также командовал в 1914 году Сводной конной дивизией, когда Врангель в течение месяца исполнял там должность начальника штаба. Петр Николаевич описывал его в мемуарах:

«Среднего роста, пропорционально сложенный, блондин, с правильными чертами лица, всегда тщательно, точно соблюдала форму, одетый, Скоропадский внешним видом своим совершенно не выделялся из общей среды гвардейского кавалерийского офицерства. Он прекрасно служил, отличался большой исполнительностью, редкой добросовестностью и большим трудолюбием. Чрезвычайно осторожный, умевший молчать, отлично воспитанный, он молодым офицером был назначен полковым адъютантом и долгое время занимал эту должность.

Начальники были им очень довольны и охотно выдвигали его по службе, но многие из товарищей не любили. Ему ставились в вину сухость и замкнутость. Впоследствии в роли начальника он проявил те же основные черты своего характера: большую добросовестность, работоспособность и настойчивость в достижении намеченной цели.

Порыв, размах и быстрота решений были ему чужды».

В воспоминаниях Петр Николаевич объяснял побудительные мотивы своей поездки в Киев: «Трудно верилось, что, стоя во главе края в это, исключительное по трудности время, Скоропадский мог бы справиться с выпавшей на его долю непомерно трудной задачей. Вместе с тем, среди моря анархии на всем огромном пространстве России как будто образовался первый крепкий островок. Он мог бы, может быть, явиться первой точкой приложения созидательных сил страны, и в этом мне хотелось убедиться. Я решил проехать в Киев. Одновременно я хотел побывать в нашем минском имении, оккупированном польскими войсками, управляющий которого писал нам, прося прибыть для решения целого ряда дел».

Думается, Врангель действительно рассматривал гетманскую Украину как некий островок стабильности среди бушующего моря российской анархии. Здесь он надеялся обрести безопасность для себя и своей семьи, а заодно и попытаться сделать карьеру в украинской армии. Но реальность его разочаровала.

Барон сразу же почувствовал опереточный характер «гетманской державы», опиравшейся исключительно на германские и австро-венгерские штыки. Претила ему и «украинизация» армии, когда русских офицеров пытались заставить говорить на чужом для них языке. Но, что еще важнее, Врангелю, да и подавляющему большинству русских офицеров, были чужды идеи независимости Украины и раздельного существования украинского и русского народов. Поэтому если они и шли в гетманскую армию, то либо из-за пайка и жалованья, либо в надежде, что гетман только играет в «украинизацию», а на самом деле мечтает о восстановлении Российской империи и в подходящий момент двинет свою армию на Москву, чтобы восстановить монархию. Именно над этими надеждами иронизировал Михаил Булгаков в «Белой гвардии» и «Днях Турбинах».

Петр Николаевич вспоминал:

«В приемной мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, отрекомендовавшийся полковым писарем “Остраница-Полтавец”. Он говорил исключительно на “украинской мове”, хотя и был кадровым русским офицером. Дежурным адъютантом оказался штабс-ротмистр Кочубей, бывший кавалергард. Мы разговорились. Он рассказал мне о перевороте, о той, будто бы бескорыстной, помощи, которую оказывают Украине немцы, о популярности Скоропадского. По его словам, в самом непродолжительном времени будет сформирована большая армия, средства на которую обещали немцы. Во главе армии должен был стать военный министр генерал Рагоза, бывший командующий IV арми-

ей. Начальником генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту. Другие области управления находились в руках лиц, мне большей частью совершенно неизвестных, главным образом связанных с Украиной. Я был чрезвычайно поражен, услышав среди имен членов правительства имя товарища министра иностранных дел Палтова, по словам Кочубея, имевшего на гетмана исключительное влияние. Палтов был личностью с весьма темным прошлым, замешанный в чрезвычайно грязных денежных делах, за что своевременно лишен был камергерского мундира.

Я не успел закончить разговора, как вошел Скоропадский. Мы расцеловались и отправились завтракать. За завтраком разговор имел исключительно частный характер. Скоропадский рассказал о себе, я передал ему о том, что пережила моя семья, вспомнили общих знакомых.

После завтрака мы перешли в кабинет. Скоропадский стал рассказывать о последних событиях на Украине, о работе его по устройству края, о намеченных формированиях армии.

— Я очень рассчитываю на тебя, — сказал он, — согласился ли бы ты идти ко мне начальником штаба?

Я ответил, что, не успев еще ознакомиться с положением дела, не могу дать какого-либо ответа, но что во всяком случае мог бы работать исключительно как военный техник.

— Не будучи ничем связанным с Украиной, совершенно не зная местных условий, я для должности начальника штаба, конечно, не гожусь.

Я поспешил повидать всех тех, кто мог мне дать интересующие меня сведения. Все эти сведения только подтвердили мои сомнения. У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, всё обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна “хлеборобская” дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было».

Что ж, кавалергард Кочубей и полковник Остраница-Полтавец вполне могли бы послужить прототипами поручика Шервинского в «Днях Турбиных», лейб-гвардейца и гетманского адъютанта, пытающегося говорить на «мове». И перспективы формирования на Украине мощных антибольшевистских армий Михаил Булгаков оценивал примерно так же, как и Врангель, — стоит припомнить диалог Шервинского и Алексея Турбина:

«Алексей. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули, как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Шервинский. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

Алексей. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще всё на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопайте, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его забери. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крестовском, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная орава».

Примерно так же думал и Врангель. Вероятно, барон надеялся, что Скоропадский сможет сформировать сильную армию из десятков тысяч осевших на Украине кадровых военных, но после встречи с гетманом и бесед со знакомыми офицерами эти надежды рухнули. Кроме того, Врангель уже не сомневался, что Германия должна в скором времени проиграть войну: «Я считал, что выступление Америки с огромным запасом живой силы и средств должно было склонить весы победы в сторону наших бывших союзников».

Скоропадскому же он сказал: «Я думаю, что мог бы быть наиболее полезным в качестве военачальника, хотя бы при создании крупной конницы. К сожалению, поскольку я успел ознакомиться с делом, я сильно сомневаюсь, чтобы немцы дали тебе эту возможность. Многое из того, что делается здесь, для меня непонятно и смущает. Веришь ли ты сам в возможность создать самостоятельную Украину?»

Скоропадский в ответ стал доказывать, что Украина имеет все предпосылки стать жизнеспособным самостоятельным государством, что стремление к независимости давно жило в украинском народе и что в этом направлении много поработала Австрия. Павел Петрович прямо заявил: «...объединение славянских земель Австрии и Украины и образование самостоятельной и независимой Украины, пожалуй, единственная жизненная задача», продемонстрировав тем самым полное отсутствие чувства политической реальности. Разумеется, Гер-

мания и Австро-Венгрия никак не могли позволить Скоропадскому присоединить к Украине австрийские Восточную Галицию и Северную Буковину и венгерское Закарпатье. Такую «Великую Украину» могли бы, чисто теоретически, поддержать только страны Антанты, да и то лишь в случае, если бы они отказались от идеи восстановления России в довоенных границах. Но для того, чтобы Англия, Франция и США выступили за присоединение к Украине бывших провинций Австро-Венгрии, необходимо было, чтобы Германия и ее союзники потерпели поражение в Первой мировой войне. А германские и австрийские штыки были единственной опорой, на которой держался режим Скоропадского. И не было никаких оснований полагать, что Антанта захочет его поддержать. Без труда можно было найти более популярного у местного населения политика, хотя бы С. В. Петлюру, чтобы поставить его во главе независимой Украины.

Врангель же не собирался строить независимую Украину ни со Скоропадским, ни с Петлюрой, ни с кем-либо еще, до конца жизни оставаясь приверженцем «единой и неделимой России», пусть и не всегда открыто выдвигая этот лозунг.

В мемуарах Петр Николаевич признавался: «Я не пережил в рядах армии полного развала войсковых частей, и только здесь я отдал себе в полной мере отчет о тех страданиях, лишениях и унижениях, которые пережили за последние месяцы русские офицеры. Бестрепетно выполняя свой долг до конца, большинство офицеров, сплотившись вокруг родных знамен, видело смерть родных частей, предательство и трусость тех самых солдат, которых они еще недавно водили к победам, злобу и оскорбление со стороны недавних своих подчиненных, с которыми вместе переживали радости и невзгоды боевых дней».

Врангель вообще всю жизнь стремился уберечь себя от присутствия при катастрофах. Ему это удалось и в 1917 году, и позднее, когда терпели крах деникинские Вооруженные силы Юга России.

Пока что барон решил поселиться в своем имении под Бобруйском, в Минской губернии — благо этот район тоже входил в зону германской оккупации. Перед отъездом он встречался с собравшимися в Киеве офицерами и из бесед с ними вынес довольно скептическое отношение к Добровольческой армии. В мемуарах, объясняя, почему он сразу не присоединился к Белому движению, Врангель в свое оправдание писал: «Здесь, в Киеве, жадно ловили они каждую весть о возрождении старых родных частей. Одни зачислялись в Украинскую армию, другие пробирались на Дон, где только что казаки оч-

нулись от большевистского угара и выбрали атаманом “царского” генерала Краснова, трети, наконец, ехали в Добровольческую армию. О последних почти ничего известно не было. Имена генералов Алексеева, Корнилова и Деникина давали основание думать, что начатое ими на Кавказе дело несет в себе зародыши действительного возрождения чести и достоинства России. Однако доходившие с разных сторон сведения представляли добровольческое движение как безнадежные попытки, обреченные заранее на неуспех за отсутствием средств, поддержки широких слоев и отсутствием единства между руководителями».

В этом мнении Врангеля, по его словам, убедила также встреча с генералами, побывавшими на Северном Кавказе и на Дону. Он сообщает в мемуарах: «Однажды я получил приглашение от бывшего командира 2-ого конного корпуса князя Туманова приехать к нему на чашку чая. Только что прибывший с Дона генерал-лейтенант Свечин должен был делать у него доклад об обстановке на Дону и Кавказе. Сведения Свечина были мало утешительны. Правда, Дон, испытав ужасы большевистской волны, ныне опамятаовал. Казаки отвернулись от красного знамени, и вновь выбранный атаман генерал Краснов горячо и успешно работал по формированию армии и восстановлению порядка в стране. Однако, по словам Свечина, движение на Дону носило шовинистический характер. Не только старшие начальники, но и младшие офицеры, не казаки, неохотно принимались генералом Красновым. Что же касается Добровольческой армии, то Свечин считал это дело, бывшее и без того безнадежным, ныне, после смерти генерала Корнилова, обреченным на близкий конец. Остатки армии, всего несколько тысяч человек, потерпев на Кубани неудачу, ныне отошли в Донскую область. Ни средств, ни оружия нет. Среди старших и младших начальников будто бы политические разногласия... Доклад Свечина произвел на меня самое тяжелое впечатление, рассеяв немногие надежды».

Вероятно, истинными причинами, по которым Врангель не торопился присоединиться к Добровольческой армии, были как неверие в силы добровольцев, так и их слишком левые, с точки зрения Петра Николаевича, политические взгляды. Можно также сказать, что между Врангелем и вождями Добровольческой армии была настоящая сословная пропасть. Скоропадский, представитель старинного дворянского рода, потомок украинского гетмана, был для Врангеля своим. Незадача была только в том, что настоящая армия у гетмана Павла Петровича Скоропадского так и не появилась. Деникин же, Алексеев и Корнилов отнюдь не принадлежали к столбовым

дворянам, а были сыновьями офицеров, выслужившихся из солдат. Остзейскому барону с родословной, восходящей к началу XIII века, вероятно, не очень хотелось служить под началом таких генералов, которых он не без оснований подозревал в отсутствии сочувствия делу восстановления монархии в России. Алексеева, к примеру, Врангель считал одним из главных виновников того, что Николай II после начала Февральской революции не получил помощи со стороны армии и вынужден был отречься от престола.

Только в июле — начале августа Врангель из писем знакомых и сослуживцев узнал, что, по его словам, «Добровольческая армия, передохнувши на Дону, возобновила борьбу, кубанцы восстали и под прикрытием Дона, казалось, готовится подняться весь Кавказ. В Сибири также разгоралась война». Так как его дела в имении были закончены, оставаться безучастным зрителем начинавшейся борьбы он не мог и в начале августа вернулся в Киев. К тому времени немцы уже потерпели решающие поражения на западноевропейском фронте, а в немецких частях, дислоцированных на Востоке, явно проступали признаки разложения. Врангель понимал, что дни власти Скоропадского сочтены. Теперь он хотел пробраться на Северный Кавказ. Добровольческая армия уже казалась ему серьезным предприятием.

В Киеве до Врангеля дошла весть о гибели царской семьи. В Южную (Астраханскую) армию, формируемую немцами под монархическими лозунгами, он вступать не стал, будучи уверен, что все начинания, связанные с оккупантами, теперь точно обречены на провал и что Астраханская армия способна лишь отвлечь поток офицеров, стремящихся встать под знамена Добровольческой армии, сохранившей верность старым союзникам.

Перед поездкой в Добровольческую армию Врангель заручился важной протекцией. Он узнал, что к Алексееву и Деникину собирается проживавший в Киеве генерал А. М. Драгомиров. Встреча с ним стала судбоносной, выбор был сделан: «Наш разговор решил мою участь. Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексеева. Генерал Алексеев получил предложение объединить русские противобольшевистские силы на сибирском фронте, ему обещана широкая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.

Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вме-

сте с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов».

Врангель действовал как расчетливый карточный игрок, долго выбирающий, на какую карту выгоднее поставить.

Добровольческая армия в то время насчитывала около тридцати пяти тысяч штыков и шашек с восьмьюдесятью орудиями, 256 пулеметами, пятью бронепоездами, восемью броневиками и семью самолетами. Всё это вооружение было захвачено в качестве трофеев у красных, снаряды же получали от донского атамана П. Н. Краснова в обмен на продовольствие. Фронт Добровольческой армии протянулся на 300—400 километров. Противостоявшие ей силы красных на Северном Кавказе под командой командарма И. Л. Сорокина имели 80 тысяч штыков и шашек при ста орудиях.

В Екатеринодар, где размещался штаб Добровольческой армии, Врангель с семьей прибыл 25 августа 1918 года. В штабе армии барон встретил немало знакомых. Петр Николаевич вспоминал: «Начальника штаба генерала Романовского и и^исполняющего^и д^иолжность^и генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-ой кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом “Ледяному походу”*. От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло».

Этому свидетельству Врангеля можно верить. Полковник Георгий Петрович Апрелев действительно входил в ближайшее окружение генерала Корнилова. В момент публикации врангелевских мемуаров он был жив, и никакого опровержения по поводу того, что Корнилов хотел привлечь Врангеля в Добровольческую армию, от него не последовало.

По рекомендации Драгомирова Врангель явился на прием к Деникину (Алексеев в тот день был болен и не смог его принять).

* Ледяной (Ледовый, Первый кубанский) поход — отступление Добровольческой армии под командованием Л. Г. Корнилова, а после его гибели — А. И. Деникина с Дона на Кубань и обратно на Дон в феврале—мае 1918 года.

Петр Николаевич передает ход разговора:
«Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

— Ну как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...

— Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

— Ну, уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, — сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, — он вам всё расскажет».

На следующий день выяснилось, что Врангелю предлагают не бригаду, а дивизию. Барон стал временным начальником 1-й конной дивизии вместо генерала И. Г. Эрдели, откомандированного в Грузию. При этом ему сразу дали понять, что Эрдели будет отствовать длительное время, а по возвращении получит новое назначение, так что временная должность фактически является постоянной. На Врангеля работало то, что он был одним из немногих в Добровольческой армии кавалерийских генералов еще дореволюционного производства и имел, пусть и небольшой, опыт командования конной бригадой и дивизией. Подавляющее большинство генералов-«первоходников» было из пехоты.

Врангель оставил описание Деникина:

«Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными, черными, с значительной проседью усами, грубоносый низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладающего большой военной эрудицией начальника...

По мере того как я присматривался к генералу Деникину, облик его всё более и более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей Железной дивизии он имел ряд блестящих дел. Впоследствии, в роли начальника штаба Верховного Главнокомандующего в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг Верховного Главнокомандующего всё

русское офицерство... Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна.

В то же время, говоря с войсками, он не умел овладеть сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толпу исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая всё то, что, казалось ему, находилось вне этих непрекаемых для него истин.

Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он, видимо, терялся, боясь ошибиться, не доверяя никому, и в то же время не находил в себе достаточно сил твердой и уверенной рукой вывести по бурному политическому морю государственный корабль».

Тогда, в Екатеринодаре, было еще далеко до будущего соперничества, а потом и откровенной вражды между Деникиным и Врангелем. Но это были слишком разные, во многом противоположные друг другу люди, и столкновение между ними, рано или поздно, было неизбежным.

Антон Иванович не был карьеристом. Свою службу отечеству он рассматривал как тяжкий, но необходимый долг. Он считал, что должен победить большевиков, довести Россию до нового Учредительного собрания, а затем уйти от власти и командования в частную жизнь. Деникин сетовал в письмах жене: «Ох, Асенька, когда же капусту садить...» То же он повторил и группе представителей кадетской партии: «Моя программа сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту».

Эти слова отнюдь не значат, что мечтой Антона Ивановича действительно было заняться сельским хозяйством. Здесь он просто намекал на римского императора Диоклетиана, который, осуществив реформу армии и государства, неожиданно отказался от власти и удалился на покой. Когда несколько лет спустя один из сенаторов спросил у Диоклетиана, не жалеет ли он, что отказался от власти, он ответил: «Если бы ты видел, какую капусту я вырастил на своем огороде, ты бы не задавал таких вопросов!» Антон Иванович, сетуя на то, что всё никак не может приступить к посадке капусты, имел в виду, что с нетерпением ждет конца русской смуты, когда он сможет, наконец, отказаться от бремени командования.

Деникин не был политиком, всячески сторонился политики, считая ее грязным делом, и не имел никакой склонности к интригам. Он считал, что большие политические вопросы, определяющие судьбы государства, должно решать будущее Учредительное собрание, а решение текущих политических проблем передал Особому совещанию при главнокомандующем, некоему эрзац-правительству, в котором преобладали кадеты.

Антон Иванович также упрямо держался лозунга «Единая и неделимая Россия». Он считал, что не вправе санкционировать отделение от бывшей Российской империи тех или иных территорий или предоставление им широкой автономии. Деникин полагал, что такие вопросы должны решать Учредительное собрание и установленная им новая власть.

При назначениях в армии и продвижении военачальников по службе Антон Иванович руководствовался прежде всего соображениями старшинства и прежних заслуг перед Белым движением. Поэтому командирами полков, бригад, дивизий и корпусов назначались «первоходники» — участники первого кубанского Ледового похода из Ростова на Екатеринодар в феврале — апреле 1918 года, закончившегося гибелью Корнилова и возвращением на Дон. Деникин не мог долго избавиться даже от скомпрометировавших себя генералов, помня об их прежних геройских подвигах. Так, уже став главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, он очень долго терпел во главе Добровольческой армии В. З. Май-Маевского в память о его успешных действиях в Донбассе против значительно превосходящих сил красных, хотя было хорошо известно, что Владимир Зенонович спился, выпустил управление армией из рук и потворствовал грабежам. Сам Деникин не решался сурово наказывать заслуженных офицеров и генералов даже за личное участие в грабежах, насилиях над мирным населением и других подобных эксцессах. Впрочем, бессудные расправы над заподозренными в симпатиях к большевизму стали почти нормой. Даже Врангель писал по этому поводу в мемуарах: «По мере очищения области (Кубанской. — Б. С.) от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевязочных средств. Оно же производило суд и расправу. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть, несомненно, сплошь и рядом играли роль, однако

со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы заставляли мириться с этим порядком вещей».

Врангель, в отличие от мягкосердечного Деникина, был человеком жестким, а временами — жестоким. Карьера была для него одной из важнейших жизненных целей. До времени барон не занимался политикой, но наклонность к интригам имел, что и продемонстрировал во второй половине 1919-го и в начале 1920 года, когда весьма активно фрондировал против Деникина, добиваясь его смещения с поста главнокомандующего. Став главнокомандующим в Крыму, Врангель показал, что при назначении на высокие посты, как военные, так и гражданские, руководствуется только двумя факторами: личной преданностью и деловыми качествами. Старшинство и былые заслуги им в расчет не принимались. Деникин же почти не обращал внимания на личную преданность, а деловые качества учитывал только во взаимосвязи со старшинством и общими заслугами в борьбе против большевиков. Кроме того, Антон Иванович считал безнравственным награждать русскими императорскими орденами за подвиги, совершенные в братоубийственной войне, вместо этого производя в следующий чин. Это привело к появлению большого числа молодых полковников и генералов, не имевших опыта службы в соответствующих должностях и порой вообще не обладавших полководческими способностями. Но их приходилось назначать командирами полков, бригад и дивизий. Врангель же в Крыму ввел специальный орден Святого Николая двух степеней для награждения за отличия в Гражданской войне. Это несколько притормозило карьерный рост молодых офицеров.

Врангель, в отличие от Деникина, не считал себя связанным какими-либо моральными обязательствами перед «первоходниками», с которыми Антон Иванович делил все тяготы первых, самых тяжелых месяцев борьбы Добровольческой армии с красными. Поэтому барону было психологически легче принимать самые суровые меры для наведения порядка в тылу и на фронте.

По свидетельству генерал-лейтенанта В. П. Агапеева, «Врангель, прошедший школу жизни в коннице, был весь из стремительного порыва, который диктовался ему не только его недюжинным умом, но и всеми его чувствами».

И у Деникина, и у Врангеля были ближайшие помощники по управлению армией, которые также были их ближайшими

друзьями. У Деникина — начальник штаба Добровольческой армии, а потом Вооруженных сил Юга России, генерал-лейтенант Генштаба Иван Павлович Романовский. У Врангеля — начальник штаба Кавказской, а потом Русской армии, генерал от кавалерии Павел Николаевич Шатилов, его однокашник по Академии Генерального штаба. Но отношения в этих дуэтах были различны. Если Романовский, по общему мнению, имел сильнейшее влияние на Деникина и порой мог добиться проведения в жизнь собственных идей, то Шатилов являлся всего лишь послушным исполнителем при Врангеле, поскольку все стратегические решения Петр Николаевич предпочитал принимать самостоятельно.

Кроме того, позднее в Крыму Петр Николаевич показал себя неплохим политиком — во всяком случае, лучшим по сравнению с другими вождями белых армий. Рискнем предположить, что у Белого движения на юге России было бы несколько больше шансов на успех, если бы Врангель стал главнокомандующим хотя бы в начале 1919 года. Но для этого ему надо было бы присоединиться к Корнилову и Добровольческой армии как минимум поздней осенью 1917 года. Он же в это время оставался в Крыму, в течение девяти месяцев не решаясь вступить в борьбу. Теперь надо было наверстывать упущенное.

И Петр Николаевич отправился к своей дивизии на фронт за новой славой.

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

Конница играла в Добровольческой армии особо важную роль. В условиях острого дефицита снарядов не артиллерия, а кавалерия становилась решающей силой, способной выбивать численно превосходящего неприятеля с занимаемых позиций, обращать его в беспорядочное бегство, на плечах расположенных красных частей врываться на станции и в города и захватывать жизненно необходимые трофеи. Поэтому во время второго кубанского похода Добровольческой армии, закончившегося взятием Екатеринодара, и последующих боев в Ставрополье и Терской области белая конница действовала особенно активно.

К 30 августа (12 сентября) в состав 1-й конной дивизии входили Корниловский конный (укомплектованный казаками различных отделов Кубанского казачьего войска), 1-й Уманский и 1-й Запорожский (из казаков Ейского отдела), 1-й Екатеринодарский (из казаков Екатеринодарского отдела) и 1-й